

В. В. Рубан

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОЛЬВИЙСКОЙ ХОРЫ в IV—III вв. до н. э.

Период расцвета Ольвийского государства насыщен бурными событиями во всех сферах жизни и деятельности ольвиополитов. Многие из этих событий получили отзвук в ряде эпиграфических документов, по праву заслуживающих особого внимания антиковедов. Вместе с тем в изучении истории Ольвии огромную роль играют и археологические источники. В особенности это касается Ольвийской хоры, новые исследования на территории которой позволяют не только полнее изучить ее собственную историю, но и глубже понять особенности исторического развития Ольвийского полиса в целом. По существу еще недавно нам было известно примерно лишь то, что вокруг Ольвии существовал ряд поселений и городищ, об исторических судьбах которых имелось самое поверхностное, а часто и ошибочное представление. Ситуация в корне изменилась в последние 15 лет, когда об археологических исследованиях Ольвийской хоры стало возможным говорить не только в количественном аспекте, но и в качественном. Важнейшим результатом последнего является разработка хронологии античных памятников ольвийского окружения, выявление новых типов населенных пунктов, обнаружение огромного количества ранее неизвестных поселений и публикация новых источников. Из этих исследований не замедлил выявиться целый ряд вопросов общеполисного, а в некоторых случаях и общепонтийского исторического значения, о которых раньше никто не подозревал. Иными словами, если еще каких-нибудь полтора десятка лет назад в общих работах по истории Ольвии поселения ее округа лишь попутно упоминались как нечто абстрактное, то в настоящее время абсолютно очевидно, что написание истории Ольвийского полиса без учета его аграрной территории просто немислимо.

С другой стороны, археологические исследования последних лет со всей определенностью продемонстрировали не только то, насколько мало мы знали Ольвийскую хору, но и насколько много мы о ней еще не знаем. Поэтому в данной работе оказалось возможным говорить лишь о некоторых чертах истории ольвийской хоры периода расцвета полиса на основании данных, полученных к началу 80-х годов текущего века.

Нужно подчеркнуть, что как бы ни были значительны исследования и находки наших современников, они не в состоянии затмить важность и необходимость работ археологов старших поколений, начинавших свою деятельность буквально на пустом месте и постепенно подготовивших фундамент для наших изысканий. В этой связи нельзя не вспомнить с почтением имена И. А. Стемповского, А. С. Уварова, В. И. Гошкевича, И. В. Фабрициус, Ф. Т. Каминского, М. С. Синицына, П. Н. Шульца, Ф. М. Штительман, Б. М. Рабичкина, А. П. Манцевич, С. И. Капопиной, М. Ф. Болтенко, Т. Н. Фармаковской, В. В. Лапина, а также ныне пло-

дотворно работающих ветеранов изучения античных древностей Нижнего Побужья А. В. Буракова и Я. В. Доманского.

Изложению основного материала считаем целесообразным предпослать краткий обзор исследований (особенно новых) поселений IV—III вв. до н. э. на территории Нижнего Побужья, тем более что таковой в литературе пока отсутствует.

Некоторые поселения и отдельные находки рассматриваемого времени в Нижнем Побужье известны еще с прошлого столетия¹. Тем не менее первые стационарные раскопки приольвийских сельских населенных пунктов были предприняты лишь накануне Великой Отечественной войны². Весьма значительные археологические раскопки и разведки памятников IV—III вв. до н. э. были затем проведены в первые послевоенные годы³, после чего в изучении классической и эллинистической хоры Ольвии наступил довольно продолжительный перерыв. Несмотря на солидный объем материальных остатков, открытых на описанном этапе исследований, археологические источники не получили должного освещения, так как исследователи ограничивались преимущественно публикациями суммарного характера. В теоретическом плане вопрос о существовании Ольвийской хоры как таковой еще не был поставлен, а сами поселения практически не рассматривались в контексте Ольвийской истории.

В середине 60-х годов было положено начало новому этапу в археологическом изучении сельской округи Ольвии рассматриваемого времени. В ходе разведок по правобережью Бугского лимана в 1965 г. нам удалось обнаружить грунтовой некрополь и остатки усадьбы в урочище Дидова Хата⁴. В 1968 г. А. С. Русяевой зарегистрированы остатки поселения IV—III вв. до н. э. на северо-западной окраине с. Парутино⁵, а несколько позже В. Н. Ключинцевым обследован ряд поселений на левом берегу Бугского лимана⁶.

В это же время было осознано, что античные поселения Нижнего Побужья составляли Ольвийскую хору и их материалы нашли соответствующее отражение в работах по истории Ольвии⁷.

¹ Дореволюционная литература собрана в кн.: *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Ч. I. Киев, 1951.

² *Синицин М. С.* До питання про населення Північно-Західного Причорномор'я в IV—III вв. до н. е.— *Наук. зап. ОДП*, т. VIII, Одеса, 1947, с. 145 сл.; *он же.* Поселения в с. Варварівка за розкопками 1938 р.— *Праці ОДУ*, т. 149. Сер. іст. наук, 1959, вип. 7. Археологічний збірник, № 1, с. 113—133; *Шульц П. Н.* Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева.— *КСИИМК*, вып. V, 1940, с. 71—75.

³ *Штительман Ф. М.* Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1952; *она же.* Поселения скифского времени на побережье Бугского лимана.— *КСИА АН УССР*, 1953, № 2, с. 46 сл.; *она же.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— *МИА*, № 50, 1956, с. 255—272; *она же.* Поселения, городища и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э.— *КСИА АН УССР*, 1954, № 3, с. 102—105; *она же.* Поселения біля Закисової балки.— *АП*, т. VII, 1958, с. 131—142; *Славін Л. М.* Поселення ольвійської периферії біля с. Чортуватого.— *Вісн. КДУ*, 1958, № 1. Сер. іст., філос., вип. 2, с. 139—149; *он же.* Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949—1950 рр.— *АП*, т. V, 1955, с. 127—150; *Рудьк Ф.* Древнее поселение Викторова I.— *МАСП*, вып. 1, 1957, с. 63—66; *Русяева Г. С.* Поселения Пітухівка I біля Ольвії.— *Археологія*, XXX, 1968, с. 206—213 (автор публикует материалы раскопок послевоенных лет).

⁴ Охранные раскопки проводились с 1965 г.; в 1969 г.— совместно с В. В. Лапным (материалы хранятся в НКМ). Указанная усадьба впоследствии получила порядковый № 3.

⁵ *Русяева А. С.* Разведки и раскопки поселения близ Ольвии.— *АИУ* в 1968 г., вып. III, Киев, 1971, с. 181 сл.

⁶ *Славін Л. М.* Работы Ольвийской экспедиции.— *АО* 1971 года, 1972, с. 331.

⁷ *Зуц В. Л.* До питання про утворення Ольвійської держави.— *Археологія*, т. XIX, 1965, с. 36—46; *он же.* Територія Ольвійської держави догетського часу.— *Археологія*, XXII, 1969, с. 80—89; *Ланін В. В.* Хора Ольвії.— В кн.: *Археологія Української РСР*, т. II, Київ, 1971, с. 306—311; *Wasowicz A.* Olbia pontique et son territoire, L'aménagement de l'espace. P., 1975.

С 1973 г. периферийным отрядом Ольвийской экспедиции ИА АН УССР были начаты разведочные работы в районе Березанского лимана, охватившие и эллинистические поселения⁸. Экспедицией НКМ был открыт и частично исследован один из наиболее ярких памятников ольвийского окружения — усадьба № 1 в урочище Дидова Хата⁹. В 1974 г. отрядом Ольвийской экспедиции в степной зоне Березанского лимана обнаружены временные стоянки пастухов¹⁰. В результате археологических разведок на Бугском лимане, проведенных экспедицией НКМ, открыт ряд новых населенных пунктов и уточнена их хронология¹¹. С этого же времени к работам в Нижнем Побужье подключился отряд ЛОИА¹². В следующем году экспедицией НКМ была исследована сельская усадьба № 1 в урочище Дидова Хата¹³ и проведены раскопки остатков аналогичных памятников у Чертоватой балки¹⁴. Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции ИА АН СССР проведена разведка на побережье Днепровского лимана между Ольвией и Очаковым¹⁵. Отряд ЛОИА вел раскопки поселений Козырка II и Лиманы I¹⁶. На первом из названных памятников проведены также охранные работы экспедицией НКМ¹⁷. Годом позже продолжались исследования эллинистических памятников у Чертоватой балки и с. Кателино¹⁸, проводились разведки на Днепровском лимане¹⁹ и раскопки поселения Козырка II²⁰, завершённые в 1977 г.²¹ В 1977—1978 гг. на поселениях восточной части Днепровского лимана небольшие исследования были предприняты Херсонским музеем²². В 1978—1979 гг. проведены исследования поселений в урочище Скелька и Кудуруб III²³. На рубеже 70—80-х годов археологическое изучение приольвийских поселений IV—III вв. до н. э. заметно снизилось. Исключения составляют лишь проведенные нами в 1979 г. охранные

⁸ Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1973 года, 1974, с. 253.

⁹ Рубан В. В. Античная усадьба на побережье Бугского лимана.— АО 1973 года, 1974, с. 335 сл.

¹⁰ Бураков А. В., Отрешко В. М., Буйских С. Б., Назарчук В. И. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1974 года, 1975, с. 262 сл.

¹¹ Рубан В. В. Разведка по правобережью Бугского лимана.— АО 1975 года, 1976, с. 346 сл.; *он же*. Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов, ч. II, Киев, 1975, с. 87—89.

¹² Доманский Я. В., Марченко К. К., Рубан В. В. Исследования поселений на берегах Бугского лимана.— АО, 1974 года, 1975, с. 276.

¹³ Рубан В. В., Буйских С. Б. Исследования в урочище «Дидова Хата».— АО 1975 года, 1976, с. 386.

¹⁴ Рубан В. В., Отрешко В. М. Раскопки поселения Чертоватое II.— АО 1975 года, 1976, с. 387.

¹⁵ Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М., Дудкин В. П. Разведки Периферийного и Геофизического отрядов Ольвийской экспедиции.— АО 1975 года, 1976, с. 311.

¹⁶ Марченко К. К., Доманский Я. В., Головачева Н. В. Раскопки поселений античного времени на Бугском лимане.— АО 1975 года, 1976, с. 357.

¹⁷ Рубан В. В. О датировке поселения Козырка II.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979, с. 60—80.

¹⁸ Рубан В. В., Рычка В. М. Исследования античных памятников близ Ольвии.— АО 1976 года, 1977, с. 362 сл.

¹⁹ Бураков А. В., Буйских С. Б. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1976 года, 1977, с. 274 сл.

²⁰ Марченко К. К., Доманский Я. В., Головачева Н. В., Рубан В. В. Работа Периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1976 года, 1977, с. 331.

²¹ Марченко К. К., Доманский Я. В., Виноградов Ю. А., Головачева Н. В., Шауб И. Ю. Раскопки поселений античного времени в Нижнем Побужье.— АО 1977 года, 1978, с. 354.

²² Оленковская М. И., Оленковский Н. П. Разведки на территории Херсонской области.— АО 1977 года, 1978, с. 364; Абикулова М. И., Оленковский Н. П., Рольникова Г. В. Охранные работы на Нижнем Днепре.— АО 1978 года, 1979, с. 286; Абикулова М. И. Исследования поселения на Днепровском лимане.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980, с. 124.

²³ Бураков А. В., Буйских С. Б. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1978 года, 1979, с. 310.

ные раскопки поселения Козырка XII и классической усадьбы Чертоватое VII В, перекрывающей архаические слои (1980—1982 гг.), а также исследования археологических остатков IV—III вв. до н. э. на поселении в с. Куцуруб возле Очакова²⁴.

Параллельно с полевой деятельностью с 1975 г. была начата публикация материалов новых раскопок и их культурно-историческая интерпретация²⁵. Вместе с тем общая картина особенностей развития истории Ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. на основании новых открытий до сих пор не представлена, что и попытаемся сделать в настоящей работе.

Что касается датировки поселений Нижнего Побужья рассматриваемого времени, то мы не видим особой необходимости останавливаться здесь на ней детально, так как этот круг вопросов разрабатывался специально в другом месте²⁶. Напомним лишь в самых общих чертах, что на основе анализа керамического, нумизматического и эпиграфического материалов вырисовывается следующая хронологическая схема развития этих памятников. После запустения, которое Ольвийская хора пережила во второй половине V в. до н. э.²⁷, начало следующего столетия от-

²⁴ Марченко К. К. Работы Нижнебугской античной экспедиции. — АО 1980 года, 1981, с. 279 сл.; *он же*. Исследования памятников античного времени в Нижнем Побужье. — АО 1981 года, 1983, с. 286.

²⁵ Рубан В. В. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени. — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев, 1975, с. 130—132; *он же*. Открытие античных усадеб на территории ольвийской хоры. — ЕІРНН. XIV Международная конференция античников социалистических стран. Ереван, 1976, с. 367 сл.; *он же*. Фасосская амфора с английским клеймом. — В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев — Одесса, 1976, с. 190—197; *он же*. Рец. на кн.: *Wąsowicz A. Olbia pontique et son territoire*. Р., 1975. — ВДИ, 1977, № 2, с. 147—154; *он же*. Из истории приольвийских поселений правобережья Бугского лимана IV—III вв. до н. э. — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 65—83; *он же*. Динамика территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении догетского времени. — В кн.: Авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории» по проблеме «Полис и хора. Вопросы экономики, политики и культуры». М., 1978, с. 43—45; *он же*. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане. — КСИА, 156, 1978, с. 32—36; *он же*. О датировке поселения Козырка II. — В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979, с. 60—80; *он же*. Раннеэллинистические лентные кратеры из Нижнего Побужья. — СА, 1980, № 1, с. 287—289; *он же*. Внешнеполитический фактор в истории населения хоры греческого периферийного полиса (На примере Ольвии догетского времени). — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980, с. 110 сл.; *он же*. Хора Ольвии в период эллинизма. — В кн.: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье» (Цхалтубо, 21—27 мая 1982 г.). Тбилиси, 1982, с. 82—84; *он же*. Лиге свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателино I. — В кн.: Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982, с. 54—58; Рубан В. В., Урсалов В. Н. Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугского лимана. — ВДИ, 1978, № 3, с. 83—87; Крыжичий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М., Рубан В. В. К истории ольвийской сельской округи. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 3—18; Доманский Я. В., Марченко К. К. Поселение ольвийской хоры Козырка 2. — АС, 1980, 21, с. 20—38; Урсалов В. Н. Лиге ольвийская монета, найденная на поселении Козырка II. — В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 28—30; Абикулова М. И., Пиворович В. Б. Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днепра (по материалам Херсонского музея). — Там же, с. 30—32; Марченко К. К. Ойкеты декрета в честь Протогена (IRE, 1², 32). К вопросу о зависимом населении Ольвии эллинистического времени. — В кн.: Материалы III Всесоюзного симпозиума..., с. 61—63; Отрешко В. М. О миксэлливах. — Там же, с. 82; Рубан В. В. Магістратура агораномів в Ольвії. — Археологія, 1982, № 39, с. 30—40.

²⁶ Рубан. Из истории приольвийских поселений..., с. 65—83; *он же*. О датировке поселения Козырка II, с. 60—80; Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 83—87.

²⁷ О времени затухания жизни архаических и раннеклассических поселений Нижнего Побужья см. Рубан В. В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (По материалам хосских амфор). — В кн.: Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982, с. 96—113. Для окончательного выяснения даты прекращения жизни приольвийских поселений в V в. до н. э. требуется допол-

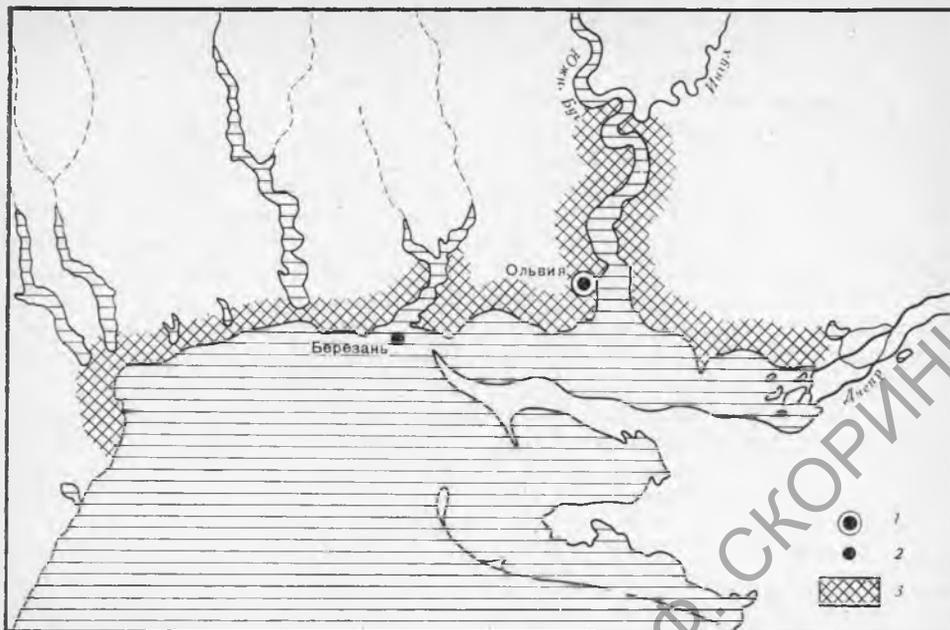

Рис. 1. Нижнее Побужье и Северное побережье Одесского залива в IV — первой половине III в. до н. э.: 1 — центр полиса; 2 — город в составе полиса; 3 — сельские поселения

мечено появлением новых поселений на территории Нижнего Побужья. На рубеже второй и последней трети этого же века поселения претерпевают разрушения, на некоторых из них жизнь больше не возобновляется, но основная их масса была восстановлена, а также появился ряд новых населенных пунктов. Около середины III в. до н. э. большая часть поселений и усадеб Ольвийской хоры погибла и жизнь на них в дальнейшем не возобновилась. Во второй половине столетия слабые следы жизни прослеживаются лишь на немногих памятниках.

Ареал сельских поселений рассматриваемого периода, которые могли бы принадлежать Ольвийскому государству, в настоящее время очерчивается довольно точно. На севере цепь этих памятников обрывается на широте устья Ингула, на востоке — у Днепровской дельты, на западе — в районе Одесской бухты. На юге территория Ольвийской хоры упиралась в северные берега Днепровского лимана и Черного моря (рис. 1). О последней группе населенных пунктов следует сказать несколько слов отдельно. Хотя сходство материальной культуры поселений Одесского залива с синхронными памятниками Нижнего Побужья давно уже наталкивало исследователей на мысль об их связи с Ольвией²⁸, все же этот вопрос пока не получил однозначного решения²⁹. Наша точка зрения на этот счет аналогична взглядам Э. И. Диаманта и заключается в том, что указанные памятники входили в состав Ольвийского государства и составляли наиболее удаленную часть его хоры³⁰. В пользу при-

нительный анализ керамики, так как в последние годы на многих памятниках удалось обнаружить фрагменты сосудов середины — третьей четверти этого столетия.

²⁸ См., например, *Синіцин*. До питання про населення..., с. 154.

²⁹ *Зуц*. Територія Ольвійської держави..., с. 80—89; *Ланін*. Хора Ольвії, с. 308 сл.; *Славін Л. М.* Стародавня Ольвія: стан і завдання її дослідження. — *Вісник АН УРСР*, 1972, № 3, с. 63—72; см. *Wąsowicz*. *Op. cit.*, p. 25 и рец. на эту кн.: *Брашинский И. Б.* — *СА*, 1977, № 3, с. 303.

³⁰ *Грубан*. Динамика территориальных границ..., с. 44; *Диамант Э. И.* Монетные находки Кошарского городища (К вопросу о западной границе Ольвийского полиса). — В кн.: *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 1978, с. 241—249.

надлежности этих памятников Ольвийскому полису можно привести следующие аргументы. Во-первых, хронология античных поселений на побережье Одесского залива полностью соответствует вышеприведенной схеме развития сельских населенных пунктов Нижнего Побужья. Во-вторых, нумизматический материал из рассматриваемых памятников в своей массе состоит из ольвийской меди³¹, за исключением одной истрийской монеты из Лузановки³², которая ни в коей мере не меняет общей картины денежного обращения в этом районе. Следует сказать, что состав монетных находок на поселениях Одесского залива стопроцентно совпадает с таковым из античных сельских поселений Нижнего Побужья, включая даже одно «истрийское колесико» из Дидовой Хаты³³. Почти полное отсутствие иноземных денег на всей указанной территории представляется неслучайным. Если вспомнить, как уже неоднократно указывалось³⁴, официальное постановление гражданской общины ольвиболитов о порядке обмена иностранной валюты и регламентации денежных расчетов на территории государства³⁵, синхронное нашим памятникам³⁶, то надо полагать, что на поселения Одесского залива распространялось законодательство Ольвии, из чего должна вытекать их принадлежность этому полису³⁷.

Поселения первых двух третей IV в. до н. э. изучены пока весьма слабо, так как почти все они перекрыты напластованиями эллинистического времени. Исключение составляют пока лишь два памятника, не нарушенные более поздними застройками. Это — поселение Козырка XII и сельская усадьба Чертоватое VII В, раскопки которых начаты в самое последнее время. Из-за недостатка соответствующих материалов судить о внешнем облике и планировочной структуре поселений этого времени весьма затруднительно, поэтому мы можем составить себе о них представление лишь в самых общих чертах.

Судя по имеющимся остаткам, поселения классического периода как Нижнего Побужья, так и Одесского залива не обладали никакими фортификационными сооружениями. Их размеры не превышали 1—2 га (рис. 2, а). Единственная известная для этого времени усадьба имела площадь около 500 кв. м. Хотя о планировочной структуре классических поселений ольвийского окружения, как уже говорилось, известно очень мало, можно, однако, предполагать существование каменно-сырцовых наземных сооружений, о чем свидетельствуют фрагменты каменных

³¹ Зограф А. Н. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 г.— МАСП, вып. 1, 1957, с. 97—101; Симонович Э. А. Ольвийские монеты с Кошарского городища.— ВДИ, 1969, № 2, с. 105 сл.; Карышковский П. О. Находки античных и византийских монет в Одесской области.— В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев — Одесса, 1976, № 18—20; *Диамант*. Ук. соч., с. 241—249.

³² Загиняло А. Г. К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI—IV вв. до н. э. по нумизматическим данным.— МАСП, вып. 8, 1976, с. 76.

³³ Детально эти вопросы рассмотрены в нашем совместно с В. Н. Урсаловым подготовленном к печати исследовании «История денежного обращения на хоре Борисфены и Ольвии догетского времени».

³⁴ Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 87; Рубан. Динамика территориальных границ..., с. 44.

³⁵ IOSPE, I², № 24, 13—16.

³⁶ Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э.— ВДИ, 1976, № 4, с. 25—27.

³⁷ Не так давно И. Б. Брашинским (ук. соч., с. 303) было высказано предположение, что поселения Одесского залива составляли ольвийскую перею. Однако географическое положение этих памятников по отношению к Ольвии не вполне соответствуют значению указанного термина. Видимо, указанная мысль показалась не очень убедительной и Ю. Г. Виноградову, заключившего слово «перей» в кавычки (см. Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье.— В кн.: Античная Греция, т. 1, М., 1983, с. 390).

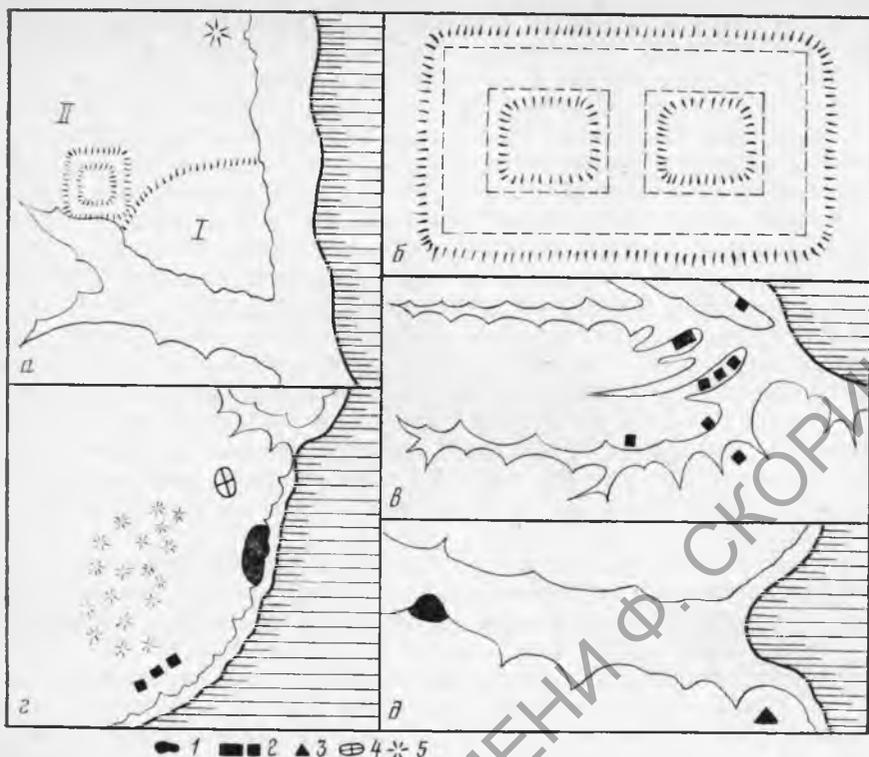

Рис. 2. Типы населенных пунктов Нижнего Побужья IV—III вв. до н. э.: а — классическое поселение (I) и эллинистическая усадьба (II) Козырка XII; б — схема плана до раскопок усадьбы № 1 у Чертоватой балки; в — агломерация усадеб у Чертоватой балки; г — агломерация Козырка II — Козырка VIII; д — поселение Новая Богдановка II и рыбацкая стоянка. 1 — поселения; 2 — усадьбы; 3 — стоянки; 4 — грунтовые некрополи; 5 — курганы

цокольных кладок, множество камней и обломков черепицы в культурном слое³⁸.

На многих из описанных поселений открыты остатки земляночных сооружений, датируемые началом — первой половиной IV в. до н. э. Поскольку в литературе об античном домостроительстве в Нижнем Побужье речь обычно идет об архаических землянках, а данные о таких строениях более позднего времени не систематизированы, остановимся на них более подробно.

Три землянки открыты на поселении Петуховка I. Одна из них, прямоугольная в плане (размеры 2,8 × 2 м, глубина 0,9 м), имела вход с севера в виде ступенек, вырезанных в материке; на полу прослежены углубления для опорных столбов, на которых покоилась кровля. Второе помещение меньше первого (длина 2 м) и углублено в материк на 0,7 м. На другом участке Петуховки I частично исследована третья аналогичная землянка³⁹.

Остатки помещения, подобного описанному, исследованы нами в 1979 г. на поселении Козырка XII. Большая часть землянки не сохранилась поэтому удалось только выяснить, что она имела прямоугольную в плане форму при глубине от древней дневной поверхности 0,7 м. Пол землянки сохранил следы неоднократной подмазки глиной. Керамический материал из этого помещения позволяет датировать его первой половиной IV в.

³⁸ Русяева. Поселения Петухівка I, с. 207; Рубан. Из истории приольвийских поселений..., с. 81 сл.; он же. О датировке..., с. 77.

³⁹ Русяева. Ук. соч., с. 207—209.

до н. э. Аналогичные сооружения открыты и в других местах Ольвийской хоры. Остатки четырехугольных землянок исследованы недавно на поселении в с. Куцуруб (дата этих помещений — первая половина IV в. до н. э.)⁴⁰. Наиболее многочисленны земляночные сооружения в ранних слоях поселений на побережье Одесского залива. В Лузановке они открыты как в процессе довоенных раскопок⁴¹, так и в ходе новых изысканий, проведенных Одесским археологическим музеем⁴². Такие же землянки найдены и на Жеваховском поселении между Хаджибейским и Куяльницким лиманами⁴³.

Таким образом, совершенно очевидно, что существование земляночного типа жилищ на рассматриваемой территории в первой половине IV в. до н. э. было закономерностью, а не случайностью. На основании этого факта следует считать, что в ходе реколонизации Нижнего Побужья и освоения Одесского залива в начале IV в. до н. э. снова вошел в употребление земляночный тип жилищ как экономически наиболее доступный первым поселенцам⁴⁴. Впоследствии он был вытеснен наземным типом домов, что свидетельствует о хозяйственном подъеме Ольвийской хоры и росте благосостояния ее населения на протяжении первых двух третей IV в. до н. э. С другой стороны, выявленный факт позволяет скорректировать сложившееся представление о развитии домостроительства на поселениях сельской территории Ольвии догетского времени, которые сводятся к тому, что архаические земляночные сооружения сменяются каменными зданиями, которые продолжают существовать и в более поздние периоды⁴⁵.

В настоящее время схему эволюции домостроительства Ольвийской хоры можно представить в следующем виде. На протяжении VI и, возможно, в начале V в. до н. э. на этой территории преобладали земляночные жилые и хозяйственные постройки, которые сменились в первой половине указанного столетия наземными зданиями. После запустения хоры во второй половине V в. до н. э. ее реколонизация в начале следующего века характеризуется возвратом к первоначальному типу домов, который заменяется наземными зданиями, наибольшее развитие получившими в эпоху эллинизма. Этим эволюция сельского домостроительства в Нижнем Побужье заметно отличается от городского ольвийского⁴⁶.

Несомненно, что повторное сельскохозяйственное освоение рассматриваемого региона было следствием неких коренных изменений в государственной структуре Ольвии, каких-то реформ, затронувших основы землевладения и землепользования. Каковы же возможные причины отмеченного явления?

Прямыми данными, которые могли бы пролить свет на этот вопрос, мы не располагаем, поэтому не остается ничего другого, как обратиться к косвенным свидетельствам. Известно, что в античном обществе различные реформы аграрного характера в основном представляли собой результат апогея в накале социальной борьбы, сопровождавшейся полити-

⁴⁰ Марченко. Работы Нижнебугской экспедиции, с. 279; *он же*. Исследования памятников античного времени, с. 286.

⁴¹ Силицын М. С. Древнее поселение в Лузановке (По раскопкам 1929—30 и 1937—39 гг.). — МАСП, вып. 1, 1957, с. 69.

⁴² Диамант Э. И. Поселение античного времени на территории г. Одессы. — АО, 1973 года, 1974, с. 270 сл.

⁴³ Диамант Э. И., Кузьменко В. И. Раскопки Жеваховского поселения на побережье Одесского залива. — АО 1976 года, 1978, с. 290; *они же*. Раскопки Жеваховского поселения на побережье Одесского залива. — АО 1977 года, 1978, с. 321 сл.

⁴⁴ В период первичного освоения древними греками Нижнего Побужья земляночный тип строений был преобладающим на всех памятниках.

⁴⁵ См., например, Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982, с. 11—46.

⁴⁶ Ср. *он же*. О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 121.

ческими метаморфозами в жизни полисов. По некоторым данным наличие подобной ситуации можно предполагать и в Ольвии. В науке уже неоднократно высказывались догадки о тираническом характере политического устройства Ольвийского государства в V в. до н. э.⁴⁷, совсем недавно впервые получившие развернутое доказательство в работе Ю. Г. Виноградова⁴⁸. В то же время хорошо известно, что в IV—III вв. до н. э. Ольвия была демократическим полисом. Все это в свое время навело нас на мысль о том, что где-то на рубеже V—IV вв. до н. э. произошел переход от тирании к демократии, за чем последовали изменения в аграрных отношениях⁴⁹.

В этой связи нельзя не упомянуть одну из давно известных ольвийских надписей с посвящением Зевсу Элевтерию (Διῒ Ἐλευθερίῳ). В издании В. В. Латышева она датируется первой половиной III в. до н. э. или несколько более ранним временем⁵⁰. Однако по монументальности прифигура и манере письма упомянутый документ следует датировать не позже первой половины IV в. до н. э.⁵¹, скорее всего ближе к началу столетия⁵².

Эпиклесис Ἐλευθερίος (Освободитель) прилагался к различным эллинским божествам наряду с более древним Σωτήρ (Спаситель). Иногда он обозначал божество как олицетворение личной свободы, но как правило этот эпитет ассоциировался с понятием полисной свободы и независимости и в основном сопутствовал Зевсу⁵³. Во многих случаях именно Зевсу Элевтерию воздвигались посвящения в связи с падением тирании и установлением демократической формы государственного устройства. Письменные свидетельства об этом и соответствующая литература приведены в названной выше статье Ю. Г. Виноградова, а потому считаем излишним их повторение. Добавим лишь, что нумизматические данные о падении власти сиракузского тирана Дионисия II, когда Сиракузы и другие зависимые от него города начали интенсивный выпуск монет с изображением Зевса и надписью Ζεὸς Ἐλευθερίος, подробно изучен в обширной статье С. Гарраффо⁵⁴. Следовательно, упомянутую здесь ольвийскую надпись можно рассматривать в качестве важного свидетельства в пользу предположения об освобождении ольвиополитов от власти тирана примерно на рубеже V—IV вв. до н. э.⁵⁵ Коль скоро именно с падением тирании в Ольвии наиболее вероятно связь нового интенсивного освоения земель, заселенных в архаическую эпоху, можно полагать, что концентрация демографического потенциала сельского населения в V в. до н. э. в городе могла проводиться и насильственным путем⁵⁶, возможно, для проведения крупномасштабных строительных

⁴⁷ Цыбульский С. А. Греческие монеты. СПб., 1894, с. 21; Штерн Э. Р. Археологические новинки. — ЗООИД, XXV, 1904, Протоколы, с. 54; Зуц В. Л. Державный лад Ольвии. — УИЖ, 1970, № 9, с. 71—79; Рубан. О датировке поселения Козырка II, с. 79 сл.

⁴⁸ Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства. I. — ВДИ, 1981, № 2; то же, II. — ВДИ, 1981, № 3.

⁴⁹ Рубан. О датировке поселения Козырка II, с. 80.

⁵⁰ IOSPE, I², № 160.

⁵¹ Ср. шрифт надписи HO, 4.

⁵² Виноградов. Синопа и Ольвия..., II, с. 63 сл.

⁵³ Jessen O. Eleutherios. — RE, Bd. V, Hbhd. 9, Stuttgart, 1903, Sp. 2348.

⁵⁴ Garraffo S. Zeus Eleutherios — Zeus Olympios. Note di numismatica siracusana. — IINA, v. 23—24, 1976—1977, p. 9—50, tav. I—IV.

⁵⁵ Когда уже была написана предлагаемая работа, вышла в свет статья Ю. Г. Виноградова (Синопа и Ольвия...: II, с. 63 сл.), в которой исследователь приводит две новые ольвийские надписи с эпитетом Зевса Элевтерия, до этого нам недоступные. Показательно, что относительно времени падения тирании в Ольвии и связанного с этим возрождения хоры мы с Ю. Г. Виноградовым пришли практически к одним и тем же выводам независимо друг от друга.

⁵⁶ Примеры принудительного переселения жителей мелких поселений для создания более крупного центра известны в истории Греции. Так, Павсаний (VIII, 27, 4—6), рассказывая об основании города Мегалополя в Аркадии, сообщает, что он был образован из целого ряда расположенных в округе поселений. Когда же обитатели се-

работ, которые были весьма характерны в качестве престижных мероприятий для политики греческих тиранов⁵⁷.

Рассматриваемая проблема имеет и другой аспект. Речь идет о том, что поселения IV в. до н. э. распространились не только на той территории, которую занимала Ольвийская хора в первой половине V в. до н. э.⁵⁸, но и освоили новые земли, в западном направлении, достигнув Одесской бухты. Вызывает большой интерес последовательность заселения всего этого региона. Нами уже отмечалось, что освоение Нижнего Побужья в IV в. до н. э. с пространственно-временной точки зрения носило радиальный характер, т. е. сначала происходило основание ближайших к Ольвии поселений, затем — более удаленных от нее⁵⁹. Весь этот процесс начиная примерно с рубежа V—IV вв. до н. э. или с самого начала IV в. длился не более четверти столетия. Вместе с тем отмеченная тенденция не была присуща поселениям на побережье Одесского залива, которые, хотя и были наиболее удалены от Ольвии, и, казалось бы, должны были быть основаны еще позже указанного времени, возникли на рубеже V—IV вв. до н. э.⁶⁰ В этой связи невозможно обойти молчанием один из обычаев древнегреческой колонизационной практики, который заключался в том, что земли, наиболее удаленные от города и худшего качества, предоставлялись полисом новым контингентам колонистов, прибывавших из других районов античной Греции⁶¹. А если учесть, что Нижнее Побужье по сравнению с побережьем Одесского залива в экологическом отношении было намного более благоприятным для экономической деятельности населения, то из сопоставления всех приведенных данных можно сделать заключение об освоении приольвийского района посредством собственных людских ресурсов и о приеме каких-то новых поселенцев, которым были отведены наиболее удаленные и ранее не занятые земли.

Это предположение может быть подкреплено и другими данными, уже исторического порядка. Речь идет об условиях для миграций, которые назрели в Восточном Средиземноморье к концу V в. до н. э. В это время завершалось гигантское столкновение двух претендентов на гегемонию в Греции — Афин и Спарты, и масса населения разоренных областей находила в бегстве спасение от бедствий, вызванных Пелопоннесской войной. Кроме того, греческие полисы Малой Азии снова оказались под персидским господством, что также предполагает отток определенной части их жителей⁶². Благодаря географической удаленности от основного театра военных действий Северное Причерноморье и Ольвия, в частности, отличались не только относительной стабильностью внешнеполитической обстановки⁶³, но и большим количеством незанятых земель, что не могло не привлекать внимания эмигрантов из Средиземноморья. Таким образом, международное положение в античной Греции не противоречит гипотезе о появлении новых колонистов в районе Ольвии. Переселение большого контингента древних греков под воздействием внешних факторов извест-

ления по имени Трапезунт не согласились с переселением, аркадцам пришлось воздействовать силой.

⁵⁷ Kolb F. Bau-, Religions- und Kulturpolitik der Peisistratiden.—JDI, 92, 1977, S. 99—138.

⁵⁸ Рубан. Динамика территориальных границ . . ., с. 44.

⁵⁹ Он же. О датировке поселения Козырка II, с. 79.

⁶⁰ Диамант Э. И. Поселение и могильник античного времени на Приморском бульваре в г. Одессе.—МАСП, вып. 8, 1976.

⁶¹ Яйленко В. П. Древнегреческая колонизационная практика.—В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 67—73.

⁶² Ср. рассказ Геродота (I, 164—170) об эмиграции из малоазийских полисов эллинов, спасавшихся от персидского господства в VI в. до н. э.

⁶³ Об этом свидетельствует характер поселений не защищенных какими-либо фортификационными сооружениями (см. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Восточного Причерноморья. М., 1975; Шеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; Рубан. Типы античных памятников..., с. 73).

но и внутри Понтийского бассейна. Такой случай, описанный Диодором⁶⁴, произошел в эллинистический период с жителями Каллатии. Когда Лисимах осадил этот город, тысяча граждан переселилась на Боспор, где им было отведено специальное место для поселения.

Если реконструируемые события в районе Ольвии действительно имели место, то новые поселения должны были иметь иной правовой статус по сравнению с полноправными гражданами государства⁶⁵. В самом деле, сообщение Макробия о походе Зопириона в 331 г. до н. э. содержит прямое указание на существование в Ольвии неполноправного слоя населения⁶⁶. А судя по тому, что в числе экстраординарных мер, предпринятых городом перед лицом военной опасности, имелось решение о предоставлении этим *regimini* гражданских прав, последние составляли довольно внушительную силу, иначе ольвиополитам не было бы никакого смысла рассчитывать на какую-либо существенную поддержку с их стороны при отражении агрессии Зопириона.

События 331 г. до н. э. по праву считаются одним из переломных моментов истории Ольвии⁶⁷. Видимо, с ними и следует связывать разорение поселений хоры, которое стратиграфически фиксируется для рубежа второй и последней трети IV в. до н. э.⁶⁸ Правда, наши исследования стратиграфии указанных населенных пунктов вызвали сомнение у Я. В. Доманского⁶⁹. Между тем следы разрушений на Ольвийской хоре, по времени совпадающие с датой похода Зопириона, явственно прослеживаются и по тем памятникам, которые имеют только один, «дозопирионовский», слой без наличия такового эллинистического периода. Если допускать, что поселения IV — первой половины III в. до н. э. не были затронуты военными действиями армии Зопириона, то почему тогда два из них все-таки погибли? Вряд ли полководец Александра, решив наказать за что-то жителей двух мелких селений, оставил бы в неприкосновенности все остальные. Тем более, что, как справедливо замечают Ю. Г. Виноградов и П. О. Карышковский, «... в практике греческих полководцев при осаде вражеского города обычной и первоочередной мерой было опустошение его сельскохозяйственной территории, что давало, с одной стороны, необходимый провиант осаждающим, а с другой — лишало осажденных продовольственной базы снабжения»⁷⁰. Таким образом, как в чисто археологическом аспекте, так и с точки зрения военного опыта того времени, представляется вполне допустимым разорение сельской округи Ольвии армией Зопириона в 331 г. до н. э.

После Зопирионовой войны подавляющее большинство поселений ольвийского окружения (кроме Козырки XII и Чертоватого VII В) было восстановлено, причем в короткий срок. Более того, в этот период появился целый ряд новых населенных пунктов на ранее необитаемых местах в пределах прежних границ хоры⁷¹. В настоящее время археологические остатки сельских населенных пунктов Ольвийского полиса представляется возможным разделить на несколько категорий⁷².

К первой категории относятся поселения, площадь большинства которых составляет около 4 га, а в древности, возможно, была и больше.

⁶⁴ *Diod. Sic.*, XX, 26.

⁶⁵ *Яйленко. Ук. соч.*, с. 70 сл.

⁶⁶ *Макроб.*, Saturn. I, 11, 33.

⁶⁷ *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н. э., I — ВДИ, 1982, № 4; II — ВДИ, 1983, № 1.

⁶⁸ *Рубан.* О периодизации античных памятников..., с. 131; *он же.* Из истории приольвийских поселений, с. 82.

⁶⁹ См. об этом: *Виноградов, Карышковский.* Каллиник..., II, с. 32, прим. 156.

⁷⁰ Там же, с. 31.

⁷¹ *Рубан.* Динамика территориальных границ..., с. 44.

⁷² *Он же.* Хора Ольвии в период эллинизма, с. 83.

Часть из них ранее считалась городищами⁷³, что не нашло себе подтверждения в процессе новых исследований. Невысокие всхолмления, прослеживаемые визуально по периметру территории этих памятников, оказались остатками расплывшихся свалок и не имеют ничего общего со стратиграфией оборонительных валов⁷⁴. Некоторые из этих всхолмлений, видимо, были зольниками-эсхарами. Прежде всего это относится к тем зольным холмам на окраинах поселений, которые среди прочих выделяются своей высотой. Тем более что на таком зольнике у поселения Кателино I, подвергающемся постоянной распашке, найдено уже немало культовых предметов: терракотовая статуэтка сидящей богини⁷⁵, каменный жертвенник⁷⁶, свинцовые изображения Ахилла на колеснице⁷⁷ и Геракла, опирающегося на палицу (находка 1982 г.).

Пока ни один памятник рассматриваемой категории не раскопан полностью, однако на основании результатов, полученных при частичных исследованиях таких поселений, как Чертоватое I, Закисова балка I, Петуховка I, Дидова Хата I, Козырка II и других, можно констатировать, что их территория была плотно застроена наземными каменно-сырцовыми зданиями с развитой планировкой, разделенными улицами⁷⁸. Стены домов преимущественно были сложены из сырца или самана на каменных цоколях, ширина стен колебалась от 0,5 до 1 м. Полы помещений зачастую углублялись в отливелированный материк. Кровли устраивались по большей части из тростника, обмазанного глиной, черепица применялась сравнительно редко. Помещения зданий группировались по периметру внутреннего двора. Уплотненная застройка поселений свидетельствует о том, что два или больше домов могли составлять кварталы. На ряде поселений выявлены элементы благоустройства (каменные водостоки, мощеные улицы, дворы и т.п.). Особо следует отметить, что на ближайших к Ольвии поселениях выявлены слюевые основания (на Чертоватом I и Закисовой балке I), весьма характерные для эллинистического домостроительства города. Нельзя также исключить возможность существования на приольвийских поселениях богатых ордерных зданий, о чем свидетельствуют находки архитектурных деталей на поселении Чертоватое I⁷⁹. Таким образом, раннеэллинистические поселения Ольвийской хоры при всем своем сходстве имели и некоторые черты различия, заключавшиеся, прежде всего, в разной степени рустификации отдельных памятников в зависимости от их удаленности от города.

К другой категории сельских населенных пунктов принадлежат отдельно стоящие усадьбы-виллы. В настоящее время таких памятников на хоре Ольвии известно около трех десятков, однако практически полностью исследован пока только один из них — усадьба № 1 в урочище Дидова Хата (рис. 3)⁸⁰. По существующей классификации древнегреческих усадеб все известные памятники такого рода относятся к разряду периметральных⁸¹, т. е. ряды помещений образуют замкнутую прямоуголь-

⁷³ Штителъман. Поселения античного периода..., с. 257.

⁷⁴ Рубан. О периодизации античных памятников, с. 132.

⁷⁵ Славин Л. М. Терракотовая статуэтка из поселения у с. Кателино. — В кн.: Терракоты Северного Причерноморья (САИ, вып. Г 1—II). М., 1970, с. 56, табл. 38, 3.

⁷⁶ Рубан, Рычка. Ук. соч., с. 363.

⁷⁷ Рубан. Литое свинцовое изображение..., рис. 1.

⁷⁸ Штителъман. Поселения біля Закисової балки, с. 131 сл.; Славин. Поселення ольвійської периферії, с. 139—149; Рудык. Ук. соч., с. 63—66; Руслева. Ук. соч., с. 206—213; Рубан. О датировке поселения Козырка II, с. 62 сл.; Доманский, Марченко. Ук. соч., с. 20 сл.

⁷⁹ Славин. Ук. соч., с. 142.

⁸⁰ Рубан. Открытие античных усадеб..., с. 367 сл.; он же. Комплекс памятников античного времени..., с. 32—36.

⁸¹ Наман Д. Д. Типология греческих сельских усадеб классического и эллинистического времени (V—II веков до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1979, с. 14. Из контекста реферата Д. Д. Намана вытекает, что данные об усадьбах Нижнего Побужья почерпнуты им из работ Ф. М. Штителъман и А. Вон-

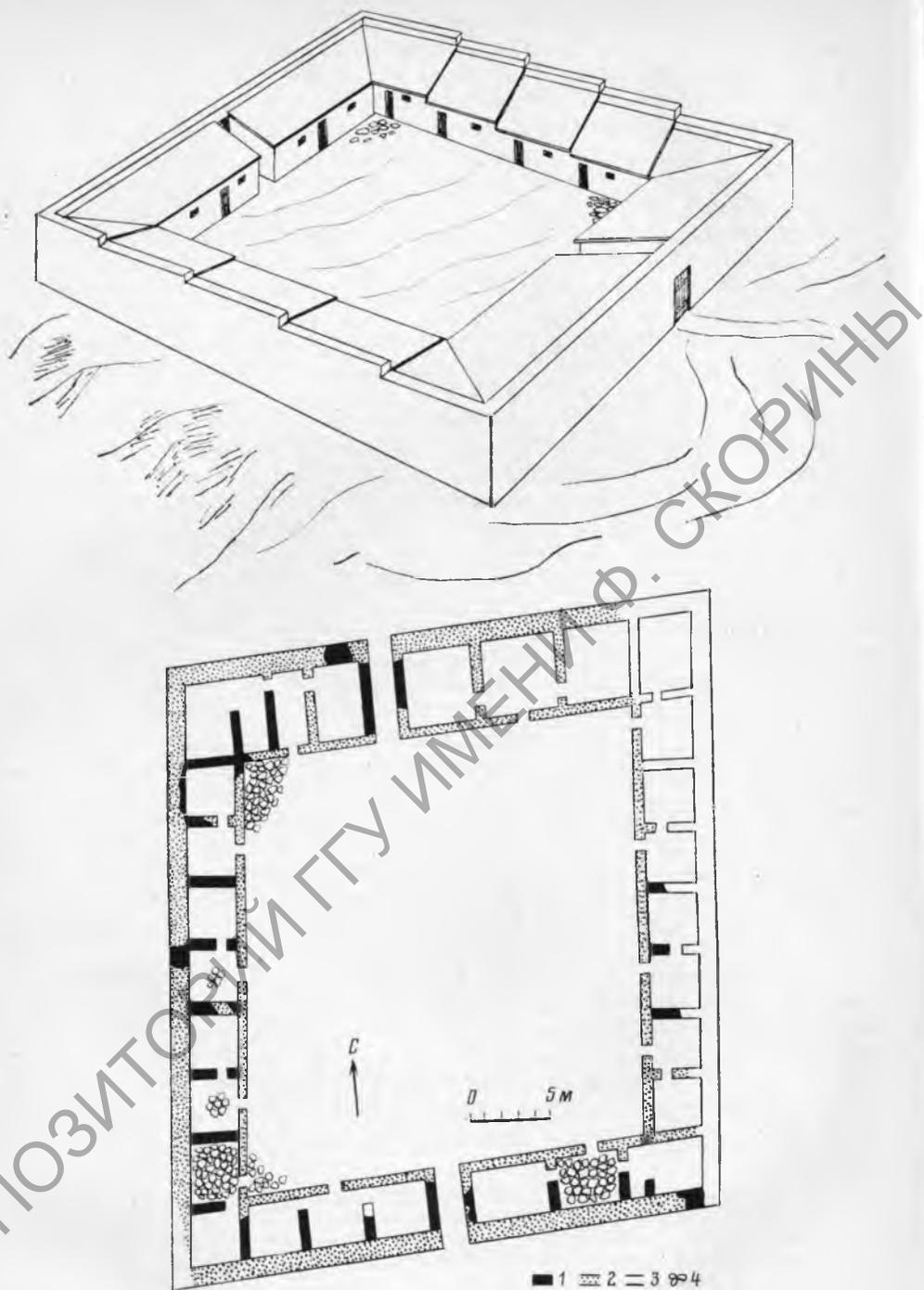

Рис. 3. Усадьба № 1 в урочище Дидова Хата: 1 — каменные кладки; 2 — выборки кладок; 3 — реконструируемые стены; 4 — каменные вымостки

ную геометрическую фигуру вокруг одного или двух внутренних дворов. Площадь помещений усадеб в среднем равняется 10 кв. м. Стены помещений возводились в основном из сырца или самана на каменном цоколе.

сович, а между тем открытие и исследование этой категории памятников никак не связаны с именами названных исследователей.

Полы помещений несколько заглублены в материк. Кровли сооружались преимущественно из тростника, обмазанного глиной. Имелись, правда, и черепичные крыши (например, усадьба Волошская коса II). Толщина внешних стен исследованных усадеб равняется 1 м, внутренних — 0,5 м. Хозяйственные помещения и дворы устилались известняковыми вымостками.

По особенностям планировки и размерам описанную категорию памятников следует разделить на три типа. К первому типу относятся прямоугольные в плане усадьбы с двумя дворами, которые по периметру замкнуты четырьмя рядами помещений, а внутри расчленены пятым рядом (рис. 2, б). К ним принадлежат усадьбы Чертоватое II № 1 и Кателино V⁸². Площадь этих строений составляет около 2000 кв. м. Второй тип включает в себя квадратные в плане здания с одним внутренним двором, их площадь несколько более 1000 кв. м. Судя по количеству отдельных парцелл из двух-трех помещений (например, в усадьбе № 1 в урочище Дидова Хата проживало 12 семей), усадьбы первого и второго типов следует считать коллективными. Наконец, целая серия небольших квадратных в плане усадеб (до 600 кв. м) составляет третий тип, видимо, предназначенная для единоличного пользования.

Как уже говорилось, внешние стены тех немногих усадеб, которые были затронуты археологическими работами, имеют толщину до 1 м. Они могли иметь либо оборонительное значение, либо несли основную тяжесть конструкций. В целом этот вопрос может быть выяснен в ходе дальнейших археологических исследований усадеб разных типов в различных частях Ольвийской хоры.

Следующая, третья категория населенных пунктов раннеэллинистической хоры Ольвии состоит из групп памятников, которые мы предлагаем назвать сельскими агломерациями. Такие агломерации включают в себя как населенные пункты одной категории, например, усадьбы у Чертоватой балки (рис. 2, в)⁸³, так и разных категорий, как, например, поселение и усадьбы в урочище Дидова Хата⁸⁴ или же поселение Козырка II и усадьбы Козырка VIII (рис. 2, г)⁸⁵. Существенным признаком указанных агломераций является то, что они связаны общим некрополем.

Кроме вышеназванных, известны другие категории памятников, которые стратиграфически пока не расчленены на указанные в этой статье этапы развития хоры. К таковым следует прежде всего отнести нередко встречающиеся пункты скопления античной керамики без наличия культурного слоя, трактуемые как сезонные пастушьи стоянки. Они находятся в основном в глубине степи, что делает такое предположение весьма вероятным. Материал из этих памятников относится практически ко всем периодам истории Ольвийской хоры, в том числе и к IV—III вв. до н. э.

Для этого же времени зарегистрированы временные рыболовецкие стоянки на берегу лимана, остатки которых представлены в виде скопления керамики и рыболовных грузил без культурного слоя. Скорее всего, они были местами починки и просушки сетей, а также первичной обработки улова. Эта категория памятников представляет собой большую редкость и встречается там, где поселения расположены не на самом побережье, а несколько удалены от него (рис. 2, д)⁸⁶.

Курганные и грунтовые некрополи располагались недалеко от поселений и агломераций и были, очевидно, связаны с последними специальными дорогами. Погребения обычно устраивались в прямоугольных ямах или подбоях, часто перекрытых большими каменными плитами или заложеными амфорами. Покойников помещали в вытянутом положении го-

⁸² Рубан, Рычка. Ук. соч., с. 362 сл.

⁸³ Там же. с. 362.

⁸⁴ Рубан. Из истории приольвийских поселений, рис. 1.

⁸⁵ Он же. О датировке поселения Козырка II, с. 79.

⁸⁶ Он же. Типы античных памятников..., с. 73.

ловой на восток (отклонения от этой нормы редки) в сопровождении различного погребального инвентаря, по своему составу аналогичного набору вещей в могилах ольвийского некрополя. Различия между грунтовыми и курганными частями некрополей хоры сводятся, в основном, к тому, что погребения в курганах обладают более разнообразными и более богатыми вещами, чем в грунтовых могилах ⁸⁷.

Как уже неоднократно указывалось, основными отраслями хозяйства населения Ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. были земледелие, скотоводство и рыбный промысел ⁸⁸. При раскопках каждого памятника в значительном количестве обнаруживаются зернотерки различных типов, каменные ступы, обломки железных серпов и других сельскохозяйственных орудий. О высоком развитии скотоводства свидетельствует большая насыщенность культурного слоя поселений костями домашних животных и существование пастушьих стоянок. Рыболовство фиксируется повсеместным распространением орудий лова — грузил и крючков для сетей и крючковых снастей, челноков для вязания сетей. Судя по групповым находкам рыболовных грузил в помещениях усадьбы № 1 в урочище Дидова Хата, на сеть насаживалось около двух-трех десятков грузил. Большой интерес в этом плане представляет собой находка печи для копчения рыбы на поселении Дидова Хата I ⁸⁹, что свидетельствует о переработке продуктов промысла на месте.

Высокий уровень торговли прослеживается по большому количеству привозной керамики и других изделий — как ольвийского происхождения, так и производства иноземных государств Причерноморья и Средиземноморья. Распространение монет на поселениях и усадьбах Ольвийской хоры свидетельствует о товарно-денежном характере торговли. Судя по контексту декрета Каноба Трасидамантова о деньгах ⁹⁰, продажа продуктов сельского хозяйства и промысла за рубеж должна была проводиться через те рынки, где осуществлялся контроль за торговыми операциями, а таковые имелись не только в Ольвии, но и в других местах полиса ⁹¹, видимо на Березани, а возможно, и на сельских поселениях с относительно крупным хозяйственным потенциалом типа агломераций. Очевидно, с целью отклонения от уплаты пошлины имели место прецеденты контрабандной торговли, о чем может говорить целый ряд мер по наказанию за нарушения в денежно-торговых операциях в упомянутом декрете. Ремесла, за исключением, пожалуй, строительного, существенного значения на хоре не имели ⁹².

На поселениях и усадьбах сельской территории Ольвии обнаружено значительное количество культовых предметов. Наиболее многочисленны терракотовые статуэтки, изображающие преимущественно земледельческие божества. Обнаружены также литые свинцовые изделия — букрании и гермы, а также изображения Ахилла и Геракла. Из культовой керамики следует отметить находки фимиатериев — как местного ольвийского производства, так и импортные. В урочище Дидова Хата и у с. Кателино найдены известняковые алтари-жертвенники ⁹³.

Среди ольвийского сельского населения определенное распространение получила письменность, о чем свидетельствуют многочисленные граффити на древнегреческом языке с чертами ионийского диалекта. Особый интерес вызывают надписи, содержащие антропонимы. Таковы граффити из

⁸⁷ Более подробно погребальный обряд населения Ольвийской хоры рассмотрен нами в подготовленном к печати другом исследовании.

⁸⁸ Штительман. Поселения античного периода..., с. 286.

⁸⁹ Там же, с. 268.

⁹⁰ IOSPE, I², № 24.

⁹¹ Карышковский П. О. Древнейшая ольвийская проксения херсонеса (НО, № 3+42). — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев, 1975, с. 126 сл.

⁹² Рубан. Хора Ольвии в период эллинизма, с. 83.

⁹³ Рубан, Рычка. Ук. соч., с. 362.

Рис. 4. Граффити из античных памятников побережья Бугского лимана

поселения Козырка II, на которых начертаны имена Аристократа⁹⁴ и Прасилата⁹⁵, Аристокла из поселения Чертоватое I (рис. 4, 1), Деметрия из Сиверсова маяка (рис. 4, 4), а также граффито на внутренней стороне ножки раннеэллинистического канфара из Варваровки с именем Артэма (рис. 4, 5)⁹⁶. Имя Фанисала (представлено в gen. sing. Φανισα—λους) на плече фасосской клейменной амфоры из усадьбы № 1 в урочище Дидова

⁹⁴ Рубан. О датировке поселения Козырка II, с. 70, рис. 6, 3.

⁹⁵ Доманский, Марченко. Ук. соч., с. 35, рис. 12.

⁹⁶ Синицин. Поселения в с. Варварівка, с. 125; Wąsowicz. Op. cit., p. 142; Рубан. Ук. рец., с. 157.

дате указанного эпитафического документа¹¹⁸. Базируясь на результатах исследований Ф. М. Штительман¹¹⁹, их авторы отмечают, что до начала II в. до н. э. не может быть и речи о таком хозяйственном упадке Ольвийской хоры, какой известен из Протогенова декрета. Однако пересмотр хронологии поселений ольвийского окружения, о котором говорилось выше, элиминирует указанный аргумент. Следовательно, вторая половина III в. до н. э. как наиболее вероятный момент появления декрета в честь Протогена вовсе не исключена, поскольку экономический кризис и почти полный упадок хоры Ольвии как раз в это время сейчас уже не вызывает сомнений¹²⁰. С другой стороны, финансовая деятельность коллегии Семи, которая вместе с архонтами внесла предложение о предоставлении почестей Протогену¹²¹, также приходится на вторую половину III в. до н. э.¹²²

Итак, есть основания реабилитировать традиционную точку зрения на галатов декрета в честь Протогена, которые в 279 г. до н. э. разгромили и разграбили Македонию, затем вторглись во Фракию и ринулись в Грецию и Малую Азию. Весьма значительные контингенты кельтских наемников пребывали на службе у разных эллинистических правителей и представляли собой грозную военную силу¹²³. Поэтому нет ничего удивительного в предположении о том, что исторические кельты (галаты), проявлявшие в III в. до н. э. весьма активную военную деятельность на Дунае и на Балканах, не оставили вне поля своего зрения богатые эллинические полисы Северо-Западного Причерноморья, куда они совершили один или несколько опустошительных рейдов, доглатив разгромив их сельские территории.

Как уже указывалось, это событие и положило начало хозяйственному кризису Ольвии, поскольку полис потерял основную часть своей земледельческой территории, составлявшей его экономический базис¹²⁴. Именно с этого момента Ольвия вступила в полосу все углубляющегося кризиса, хорошо известного по эпитафическим источникам¹²⁵. Вскоре от обширного процветавшего государства остался незначительный городок, нуждавшийся в военно-политическом протекторате. Однако этот период истории Ольвии выходит за рамки настоящего исследования.

В итоге рассмотрения наиболее важных моментов истории Ольвийской хоры IV—III вв. до н. э. в свете новых археологических исследований представляется возможным сделать некоторые выводы, необходимые для изучения исторического развития всего государства в целом.

Пересмотр хронологии поселений и разработка периодизации истории хоры, в том числе классического и эллинистического периодов, дают возможность уточнить хронологические рамки и некоторые из причин

¹¹⁸ Книпович Т. Н. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена. — ВДИ, 1966, № 2, с. 142—149; Карышковский П. И. До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена. — Археологія. XXI, 1968, с. 95—105.

¹¹⁹ Штительман. Поселения античного периода..., с. 272.

¹²⁰ Более подробно эти вопросы рассмотрены в статье: Рубан В. В. Кельты на Південному Бузі та Нижньому Дніпрі. — УІЖ (в печати). Судя по тому, что Ю. Г. Виноградов датирует надпись в честь Антестерия третьей четвертью III в. до н. э. и отмечает, что она на 20—30 лет старше Протогенова декрета, можно заключить, что исследователь считает началом времени издания последнего документа последнюю четверть III в. до н. э. (см. Vinogradov Yu. G. Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes. — In: Actes du VIIe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. București. — Paris, 1979, S. 311, Anm. 112).

¹²¹ IOSPE, I², № 32 A. 1—2.

¹²² Карышковский П. О. Монеты ольвийской коллегии Семи. — В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 109—117; Виноградов. Декрет..., с. 76 сл.

¹²³ Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, с. 63—65.

¹²⁴ Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 86 сл.

¹²⁵ Vinogradov. Griechische Epigraphik..., S. 306—316; Виноградов. Декрет..., с. 79 сл.

расцвета, кризиса и упадка Ольвийского полиса догетского времени. Типология поселений Нижнего Побужья IV—III вв. до н. э. позволяет констатировать, что в рассматриваемый период на территории Ольвийской хоры отсутствовали укрепленные городища, как это считалось ранее. Отсутствие фортификационных сооружений и системы обороны на хоре свидетельствует о мирном характере отношений Ольвии с окружающими племенами варваров. Такая ситуация давала возможность ольвиополитам беспрепятственно проводить реколонизацию региона в начале IV в. до н. э. (после падения тирании) и непосредственно эксплуатировать обширные земельные пространства и другие природные ресурсы. Судя по типологии, внутренней структуре и внешнему облику населенных пунктов этого времени, освоение хоры проводилось более или менее социально однородным, незажиточным составом поселенцев. Об этом свидетельствует, в частности, употребление землянок в качестве жилищ, что, с другой стороны, приоткрывает до сих пор неизвестную страницу в истории домостроительства хоры, в котором в начале IV в. до н. э. наблюдается возврат к архаизированным земляночным сооружениям.

По сравнению с периодом классики прослеживается значительный рост производительных сил Ольвийской хоры раннеэллинистического времени, о чем можно говорить на основании возникновения значительного количества новых памятников после отражения агрессии Зопириона и расширения площади прежних поселений. В этот период наблюдается усиление классовой дифференциации. Рост имущественного неравенства весьма рельефно выражен в устройстве и наборе инвентаря погребальных комплексов, а также в характере застройки поселений, в которых, наряду со скромными домами существовали более богатые здания на слоевых основаниях с ордерными элементами, аналогичными ольвийским. Типология сельских населенных пунктов свидетельствует о сложной социальной стратификации населения хоры, сильно контрастирующей на фоне «дозопирионовской» однородной структуры поселений. Действительно, в период эллинизма мы видим на ольвийской периферии дома зажиточных землевладельцев, поселения и усадьбы средних и мелких свободных земледельцев, коллективные усадьбы, в которых, вероятнее всего, проживали различные категории зависимого или полузависимого населения. Одним словом, хора Ольвии последней трети IV — первой половины III в. до н. э. в настоящее время предстает перед нами как археологическая структура, отражающая, естественно, соответствующий социально-экономический организм, типичный для эллинистических государств Причерноморья¹²⁶ и Средиземноморья¹²⁷. Именно на этот период приходится максимальный расцвет хоры, самым непосредственным образом способствовавший процветанию Ольвийского полиса. Начало экономического кризиса этого государства следует связывать с изменением внешнеполитической ситуации, повлекшей за собой потерю его аграрной территории.

¹²⁶ Кругликова. Сельское хозяйство Боспора; Щеглов. Северо-Западный Крым в античную эпоху.

¹²⁷ Свенцицкая И. С. Земельные отношения в Западной Малой Азии эллинистического и римского периодов: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. М., 1971.

SOME FEATURES OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE OLBIAN CHORA IN THE FOURTH AND THIRD CENTURIES B. C.

V. V. Ruban

The author reviews the most important turning-points in the history of the Olbian chora, basing his conclusions on a digest of excavation results over the last fifteen years. The chronology of settlements in the chora is overhauled and the following periodisation

adopted: (1) the beginning of the 4th century to 331 B. C. (from the fall of the Olbian tyranny to the siege of the city by Zopyrion); (2) 331 to 250-40 B. C. (from Zopyrion's campaign to the devastation of the *chora* by the Galatae); (3) the second half of the 3rd century (beginning of Olbia's steep decline). Olbian rural settlements extended, in the latitudinal direction, from the Bay of Odessa to the Dnieper delta, while in the northern direction they reached to the mouth of the Ingul river (fig. 1). In the first period there were undefended settlements and one homestead. In the second, undefended settlements, villa-type homesteads, and clusters of villages and homesteads (fig. 2—3), also temporary shepherds' and fishers' encampments. Land-cultivation, stock-breeding and fishing were the principal occupations in the *chora*. Trade expanded and was conducted on a money-commodity basis. Culture and religion show Ionian Greek features (fig. 4). In the first period the *chora* was settled by socially homogeneous and relatively poor colonists. In the early Hellenistic period, when the Olbian *chora* reached its highest point of development, it was, from the archeological standpoint, a model of its kind, typical of those found in the Hellenistic states along the Black Sea and eastern Mediterranean. In this period the population in the rural territory of Olbia was densely stratified, comprising well-to-do landowners, middle and small free farmers and various categories of dependent and semidependent persons.
